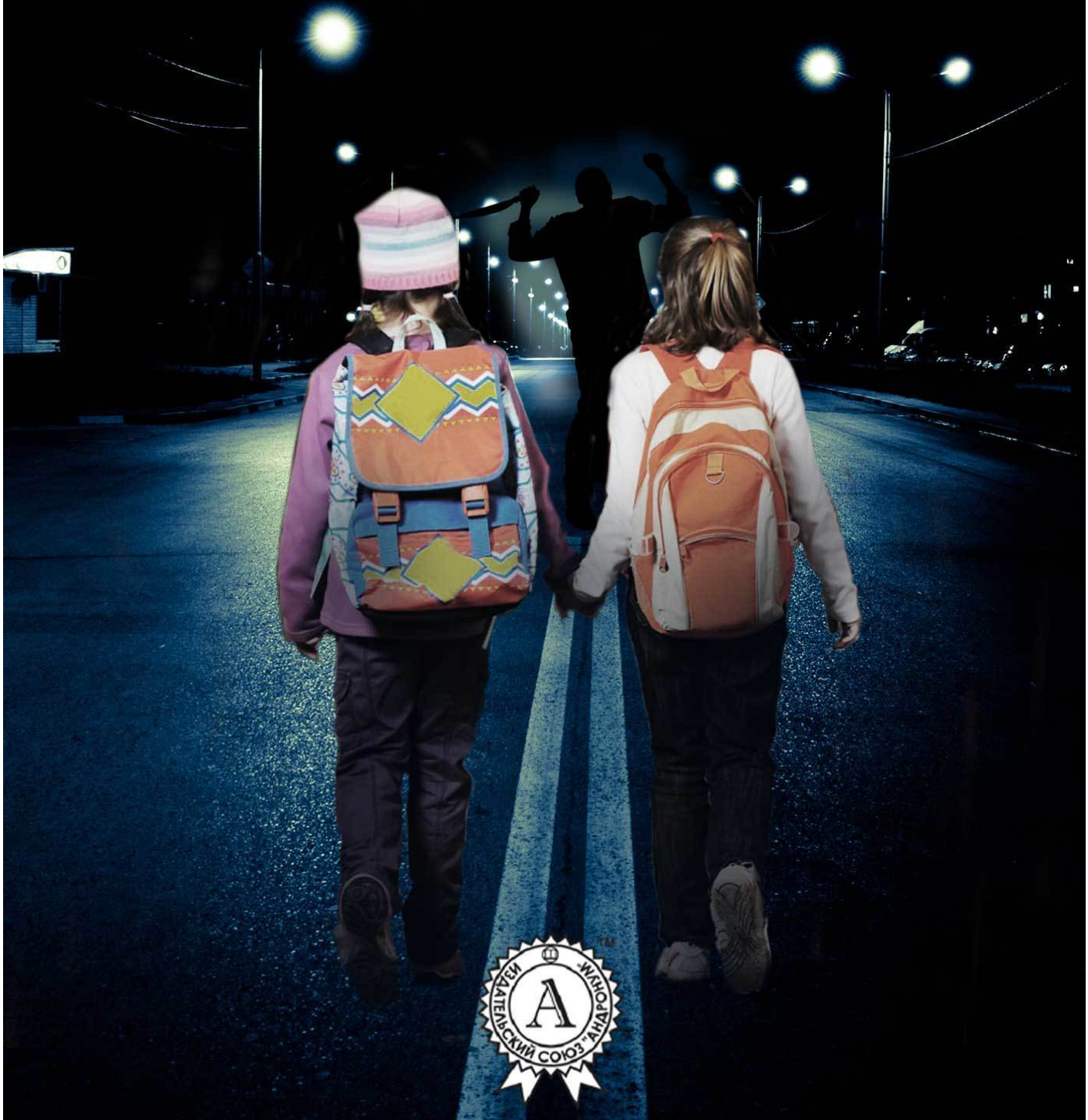
Екатерина Анашкина

НЕДЕЛЯ НА ЖИЗНЬ



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНАШКИНЫ"

Екатерина Анашкина

Неделя на жизнь

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Анашкина Е.

Неделя на жизнь / Е. Анашкина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Когда в обычном, ничем не примечательном, московском районе стали пропадать дети, в сердцах людей поселился ужас. Сотрудники уголовного розыска Королев и Березин выходят на охоту за маньяком-убийцей…

© Анашкина Е.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Пролог 5
Четверг 9
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Екатерина Анашкина
Неделя на жизнь

Пролог

– Леночка! Леночка! – губы слушались плохо, а звуки, которые издавало надорванное горло, были похожи на еле слышный хрип.

Света понимала, что Леночка уже два дня, как мертва. Землистого цвета щеки и ввалившийся от ударов тяжелым ботинком нос, кровавые разводы на лице и растрепанные волосы, – вот и все, что осталось от ее маленькой восьмилетней подруги, лежащей рядом на земляном полу… Однако яма, раскопанная тем человеком, была большая, и Света точно знала для кого это место.

Руки затекли и почти не ощущались, связанные за спиной жесткой прочной веревкой. Дышать было все труднее и труднее, каждый вдох отдавался тупой болью в каждом уголке измученного тела. Ее старая бабушка Нюша, которая умерла в прошлом году, иногда говорила ей, что нельзя плакать по пустякам, ведь когда захочется поплакать по-настоящему, то слез не будет. Свете это казалось смешным и каким-то неправдоподобным. Ну как это слезы кончатся? Оказалось, что так бывает. Слез не было. Глаза были воспаленными и сухими, как будто соседский Васька, как прошлым летом, сыпанул в них целую пригоршню песка. Тогда она основательно поколотила своего обидчика.

* * *

С самого раннего детства Света Ковальчук привыкла все делать сама, не надеясь ни на кого. Отца своего она помнила плохо. В памяти остался большой мужчина, напоминающий неуклюжего косолапого медведя, который приходил домой, сажал маленькую Светку на колени и протягивал ей горсть конфет. Света рассовывала липкие карамельки по кармашкам своего платьица и целовала его в колючую, поросшую щетиной щеку. Но уже совсем скоро отца взяли за вооруженный грабеж, и он получил весьма внушительный срок. Мать плакала недолго, и уже через год сошлась с соседским Толиком, плюгавеньким мужичком, который прикладывался к бутылке по поводу и без повода. До Светы никому из них дела не было. Старая баба Нюша была к тому времени уже очень слаба и почти прикована к постели. Мать работала уборщицей, мыла подъезды и получала совсем мизерные деньги, которых едва хватало на водку и скудную еду. Толик иногда подряжался грузчиком в ближайший магазин, но все полученные деньги тут же пропивал. В свои девять лет Света уже подрабатывала: расклеивала рекламные листовки, помогала почтальонше тете Дусе разносить письма. В последние два года ей помогала Леночка Монина. Мать Леночки, Маринка Монина, была очень красивой девицей. Все бы ничего, но Маринка имела диагноз – олигофрения в стадии дебильности. Мужики сменялись у нее, как на конвейере. Каждый год Маринка рожала очередного слабоумного. Вот только Ленка, старшая в семье, как ни странно, оказалась нормальной. Некоторые малыши не доживали и до года. Кроме Лены в семье теперь были четырехлетний Мишка и трехлетняя Соня. Последних двоих детей Маринка оставила в роддоме, и теперь опять ходила с пузом. У Лены была родная тетя, которая жила где-то в Подмосковье. Тетя Маша иногда приезжала и даже обещала в скором времени оформить опеку над Ленкой.

– Я тебя обязательно возьму с собой, Светка! Мы будем жить в деревне. Тетя Маша рассказывала, что у нее есть корова, а еще собака Муха, а еще кошка и кролики, – захлебываясь

от счастья, пела Ленка, прижимаясь к худенькому плечу подруги и сидя на заплеванных ступеньках грязного подъезда.

– Маленькая ты еще, Ленка! – грустно усмехаясь, отвечала ей Света. – У твоей тетки кроме тебя еще и своих спиногрызов трое! Ей только меня не хватает.

– Свет, я без тебя никуда не поеду! – испуганно бормотала Ленка.

– Еще как поедешь! – серьезно и строго говорила Света. – Хоть кому-то из нас должно повезти. А я, даст Бог, вырулю как-нибудь. Вот только в школу надо бы пойти. Я слыхала, сейчас без образования никак… Не хочу я как мать полы драить да водку жрать.

– Угу, – тихо соглашалась Ленка.

* * *

…В тот день они, как всегда, получили свои деньги за расклейку объявлений и, как обычно, пошли в ближайший магазин, чтобы купить нехитрый набор продуктов: буханка хлеба, два яблока, небольшой лоточек самой дешевой нарезанной колбасы и пачку сока. В этот раз денег было чуть больше, чем обычно, потому что почтальонша тетя Дуся, тяжело вздохнув, добавила от себя целых пятьдесят рублей. Девочки решили устроить пир и потратили драгоценную «премию» на шоколадку. На дворе стоял безмятежный май, окутавший московские тополя изумрудной дымкой. Было душно, должно быть к вечеру собиралась гроза, хотя пока на высоком небе не было заметно ни облачка. Рядом с продуктовым магазином примостилась палатка, в которой торговали газетами. В ларьке, кроме прессы, каждый день выставлялось множество так называемых сопутствующих товаров, от дешевой китайской косметики с надписью по-русски «Шанель», до детских погремушек. Вот уже второй день Ленка не могла спокойно пройти мимо, так как главное место на витрине занял чудесный журнал, к которому прилагалась очаровательная кукла в старинной одежде. У нее были ярко-каштановые волосы, голубые, как майское небо, большие глаза, и великолепное платье.

– Эй, мелкая, чего опять прилепилась? – сердито окликнула подругу Света. Ленка елозила по пыльному стеклу сопливым носом и все никак не могла оторваться.

– Свет, а, Свет, ну погляди, какая она красивая! Как принцесса! Вот бы мне такую! Как думаешь, ее скоро купят?

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Света. – Стоит эта твоя принцесса дороже героина!

– Светка, а что такое героин?

– Не знаю и знать не хочу. Просто так отчим говорит. Наверное, какая-нибудь дрянь, типа водки.

– Слушай, а мы когда-нибудь заработаем столько денег, чтобы ее купить?

– Конечно, – насмешливо отвечала та, – Когда рак на горе свистнет. Ленка, давай уже, пошли! Жрать хочется, сил никаких нет! – и она потянула Лену за собой.

– Свет, а хорошо бы много-много денег заработать! Я бы тогда и Мишке с Сонькой игрушек накупила! – рассуждала Ленка, семеня сзади.

– Им бы тоже пожрать для начала надо бы, а то твой Мишка почти прозрачный, а Сонька, – та вообще еле на ногах стоит.

– Свет, а мы оставим им что-нибудь?

– Посмотрим, – мрачно пообещала Света.

Во дворе на детской площадке стоял покосившийся деревянный домик с занозистыми стенами. По ночам там непременно собирались пьяные компании местных алкоголиков, но сейчас он пустовал, и именно туда хотели направиться девочки. Уже совсем рядом с двором их окликнули. Света, обернувшись, увидела мужчину. Хорошо одетый, аккуратно подстрижен-

ный, он толкал перед собой детскую коляску, широко улыбался и махал им рукой. Девочки остановились.

– Здравствуйте, простите меня, пожалуйста! – вежливо обратился к ним незнакомец.

– Здрасти, дяденька, – пискнула Ленка, пряча за спину богатство, сложенное в дешевый полиэтиленовый пакетик.

– Да вы не бойтесь, я не кусаюсь! Просто мне показалось, что вы не откажетесь мне помочь, у вас у обоих такие добрые и открытые лица!

– А что случилось-то? Заблудились, что ли? – настороженно спросила Света. Этот человек совсем не был похож на обитателей их двора.

– Нет, я не заблудился. Просто дело в том, что моя жена уехала в командировку, и я остался с сыном один. Мы вышли погулять, а мне только что позвонили и сказали, что срочно вызывают на работу. Вот теперь не знаю, с кем оставить малыша, – он беспомощно пожал плечами и обезоруживающе улыбнулся.

Ленка не преминула заглянуть в коляску. Там в кружевных оборках виднелась мордочка сопящего младенца месяцев двух отроду. Он сладко причмокивал пустышкой и смешно морщил носик.

– Мы что вам, няньки, что ли? – грубо спросила Ленка и, взяв за руку подругу, уже хотела уйти, но мужчина поспешно продолжал:

– А может, вам деньги нужны? Так я заплачу. Деньги у меня есть, не сомневайтесь, – с этими словами он достал пухлый кожаный бумажник и вытащил оттуда пятитысячную купюру. У Ленки моментально округлились глаза, а мордочка вытянулась, как у любопытного лисенка.

– Это что, все нам? – спросила она недоверчивым, чуть охрипшим голосом.

– Ну конечно! Но только если вы согласитесь мне помочь.

Ленка умоляюще взглянула на подругу. Та стояла хмурая и настороженная.

– Девочки, вы не торопитесь, можете посоветоваться, но вы меня действительно очень выручите!

Ленка потянула подругу за руку и, отойдя на пару метров, жарко зашептала ей в ухо:

– Светочка, миленькая, ну пожалуйста! Умоляю тебя, давай согласимся, а?

– Не нравится он мне, этот мужик. Слащавый он какой-то, мерзкий. Не верю я ему, вот хоть ты меня режь, – с сомнением произнесла Света.

– Ну, миленькая, дорогая моя, любимая! Это ведь ненадолго! А я знаешь как умею с малышами! Когда Мишка с Сонькой такими были, я и переодевала их, и гуляла с ними, и даже попы им под краном мыла. Я все-все умею. Сама все сделаю, а деньги пополам.

Света все еще сомневалась и упрямо качала головой.

– Ну не хочешь, так я одна пойду! – обиженно сказала Ленка и повернулась, чтобы уйти. Света резко схватила ее за худенькую ручку.

– Нет, одну я тебя не отпущу, вместе пойдем, – решилась, наконец, она.

Они подошли к мужчине, который присел на лавочке и покачивал коляску.

– Ладно, мы согласны, но только ненадолго, – коротко сказала Светка и взглянула на подругу, которая улыбалась, не скрывая восторга: пять тысяч! Теперь они точно купят красавицу-куклу!

– Ну вот и здорово, – обрадовался незнакомец, – Пойдемте скорее, я тут совсем неподалеку живу.

Всю дорогу Ленка была крайне оживлена и болтала без умолку, рассказывая мужчине подробности своей невеселой жизни и делясь с ним планами на скорую зарплату. Света тащилась сзади. Она никак не могла отделаться от мысли, что все вовсе не так радужно, как представлялось ее восьмилетней подружке. Если бы она была одна, то ни за что не согласилась бы на предложение этого неожиданного работодателя. Как-то мутно все это… Но не бросать же Ленку одну, она же совсем еще дурочка. В свои двенадцать лет Света чувствовала себя совсем

взрослой и ответственной за свою маленькую подружку. «Ну ладно, в конце концов, темнеет сейчас поздно. Не до утра же он будет на этой своей работе. Да и деньги, конечно, не лишние. Впереди лето, а у них нет ни туфель, ни платьев. А на заработок можно будет все это купить. На барахолке, рядом с метро, можно приобрести вполне приличные шмотки. И все-таки…» – думала, плетясь вслед за коляской Света и загребая старыми полусапожками городскую пыль. Минут через десять они уже подошли к панельной девятиэтажке.

– Вот здесь, на первом этаже мы и живем. Заходите скорее, а то я уже опаздываю! – проговорил мужчина, открывая дверь, из-под обивки которой неопрятными языками свешивались куски поролона.

* * *

…С того момента Светина память давала сбой. Как они оказались в этом земляном погребе? Куда подевался ребенок? И, наконец, самый главный вопрос: когда все это закончится?! То, что она умрет так же, как и Леночка, сомнений не возникало. Это только вопрос времени. Слава Богу, Леночкины мучения закончились. Там, наверху, она уже наверняка получила свою куклу-принцессу, там ей хорошо и спокойно, там нет страха и боли… В смерти ее лицо стало совсем беспомощным, худенькие ручки-плеточки лежали на костистых, как у жеребенка коленях. Свернувшись в клубочек, она лежала в широкой яме прямо под ногами Светы, словно ожидая свою подругу.

… А может она действительно слишком много и часто плакала по зряшным поводам? Разве матерящийся пьяненький отчим – это страшно? Разве мать, которая от водки кричит и дерется – это ужасно? Сейчас это казалось сущим пустяком, из-за которого вовсе не стоило тратить драгоценные слезы. Только за последние дни Света Ковальчук, двенадцати лет отроду, узнала, что такое настоящий кошмар.

Она прислушалась. Было совсем тихо, и только откуда-то издалека, сверху, слышался равномерный, монотонный стук дождевых капель. «А дождь все-таки пошел», – подумала она, чувствуя, что ее сознание вновь проваливается в какую-то пропасть…

Страх, который стал таким привычным за последние дни, накатил заново, когда послышались тяжелые шаги снаружи, и вниз прямо на Леночку, с чавкающим звуком упал тяжелый топор.

– Это все. Жаль… Скорее бы! Леночка, не бойся, маленькая, я скоро приду!.. – еле слышно, с трудом ворочая кровавыми губами, прошептала Света…

Четверг

– Ба! Ты только не волнуйся, я сегодня немножко задержусь, у нас в школе классный час!

– Ладно, только иди с Катей вместе, сейчас темнеет рано. Тебе что приготовить, егоза? Может яблочки запечь, бабушка Тая вчера посылку прислала.

– С антоновкой?! А почему вчера не сказали?

Бабушка Тая жила в Харькове. В саду на даче у нее росли пять старых яблонь. Каждую осень Таисия Петровна, родная сестра Анны Петровны, заботливо упаковывала яблоки в коробку и непременно отсылала с оказией в Москву. Лиза обожала эти вкусные посылки. Каждый раз в пахучих ядреных яблоках она обнаруживала что-нибудь интересное – плюшевого медвежонка или коробку с фломастерами. Эти мелочи всегда были для нее сюрпризом.

– Тебе скажи – сразу все и умнешь, я тебя знаю! Ты учебник по литературе не забыла? Он у тебя с вечера под подушкой лежал.

Лиза подбежала к кровати, вытащила учебник и сунула в рюкзак.

– Не, не забыла, ба. А вы уже смотрели, что там в коробке? – и глаза ее загорелись от предвкушения очередной приятной находки.

– Нет, конечно! Это же твой подарок! Я думала, что мы вместе после школы посмотрим, – ласково улыбнулась бабушка.

– Ну, бабуль, ну давай сейчас, а? Ну хоть одним глазком, а?

– Хорошо, Лизочек. Вон ящик, рядом с балконной дверью, за занавеской.

Лиза подбежала и нетерпеливо открыла коробку. По комнате в тот же миг поплыл дурманящий запах наливных осенних яблок. Зеленые, с чуть пожелтевшими спелыми бочками они лежали ровными рядочками, казалось, что стоит только чуть-чуть надкусить шкурку, как оттуда брызнет кисловато-сладкий сок. Между яблоками Лиза заметила что-то серое, пушистое. Осторожно, двумя пальчиками она вытащила уютного пушистого зайчика, который таращился на нее своими черненькими глазками-бусинками. Лиза взвизгнула от восторга и, подлетев к бабушке, обняла ее.

– Бабуль, смотри, это заяц! Настоящий серый заяц! И теперь он будет жить с нами. Его будут звать Дима.

– А почему Дима? Какое-то не очень заячье имя, тебе не кажется, а, Лизок? – смеясь спросила Анна Петровна, приглаживая Лизины непослушные волосенки.

– Почему это не заячье? – удивилась Лиза, разглядывая своего нового квартиранта, – Ты погляди на его морду! Он же вылитый Дима.

– Ну, Дима, так Дима, – пожала плечами бабушка, – Только ты уж его в школу-то не бери, а то потеряешь еще – сама плакать будешь.

– Конечно не возьму, – возмущенно фыркнула Лиза, – Я ведь уже не маленькая, чтобы игрушки в школу таскать. Все-таки уже в пятом классе учусь!

Она взглянула в зеркало большого шкафа, скорчила серьезную мордочку и поправила складки на юбке.

– Он меня дома подождет. Правда, Дима? – обратилась она к зайцу, заботливо усаживая его на своей кровати, где разместился целый плюшевый зверинец.

Анна Петровна рассмеялась:

– Да какая ж ты не маленькая? Вон сколько пылесборников у тебя на кровати!

– Ба, это никакие не пылесборники, а мои друзья. А друзей, даже старых, предавать нельзя, поэтому они все здесь и живут, – Лиза деловито окинула взглядом свой пополнившийся зоопарк, – А когда будешь звонить бабе Тае, передай, что я ее очень люблю и скажи спасибо за Диму!

– Хорошо, Лизочек, обязательно передам! – пообещала Анна Петровна.

– А дай мне хоть одно яблочко в школу, ну пожалуйста! Я честно, не буду есть на улице! – Лиза подбежала к бабушке и уткнулась в теплые колени. Анна Петровна поправила съехавший коричневый бантик и, оперевшись на палочку, встала с дивана.

– Лизок, а может, попросим маму, чтобы подстригла тебя сегодня, а? На твоих волосенках ни один бантик не держится, что толку завязывать, когда он уже в раздевалке сваливается!

– Ни за что! Меня и так часто за мальчишку принимают, а с короткой стрижкой вообще караул, что будет! А бант дурацкий из-за шапки сваливается! – Лиза кое-как напялила вязанную шапочку, посмотрела в зеркало, растопырила свои необычного цвета фиолетовые глаза и сморщила нос. – Ба, ну ты скоро? Я ведь опоздаю!..

– Несу уже, на. – Анна Петровна протянула внучке вкусно пахнущее терпким осенним запахом яблоко. – Только не вздумай по дороге грызть, холодно.

– Ну, ба, я же обещала! Все, убежала, мы с Катькой на углу встречаемся. Пока, бабуль! – и Лиза затопала вниз по лестнице.

– Смотри, часы не потеряй!

Вчера внучка долго упрашивала бабушку, чтобы та разрешила ей на один день надеть в школу старые золотые часики, которые хранились в шкатулке у Анны Петровны. «Ну, ба, ну только на один денечек, на один единственный денечек, а?»

Анна Петровна украдкой перекрестила внучку, заперла входную дверь и потихоньку направилась в комнату. Она уже и забыла, когда последний раз выходила на улицу. В последнее время ноги слушались все хуже и хуже, да и руки тоже… Лизонька ушла, теперь можно и анальгин принять, а то внучка, если видит, что бабушка берется за таблетки, сразу нервничать и плакать начинает.

Так уж сложилось, что они, как попугайчики-неразлучники все время вместе и знают друг друга лучше, чем кто бы то ни был. Анна Петровна ушла на пенсию сразу после рождения долгожданной внучки и с тех пор они никогда не расставались, разве что на две августовские недели, которые Лиза проводила на море с родителями. Раньше Анна Петровна неизменно увозила Лизу на дачу и жила с ней там все лето. Сборы занимали целую неделю. Для переезда нанимался небольшой грузовичок, в который едва умещались все короба и коробочки. Маленькая Лиза всегда скрупулезно следила, чтобы все ее любимые игрушки и книжки были упакованы и размещены в кузове грузовичка. Николай Евгеньевич, Лизин папа, ворчал себе под нос, что все эти сборы-разборы хуже керосину, и у него, в конце концов, лопнет терпение, и он выкинет как минимум половину из того, что с таким трудом влезло на борт. На что Анна Петровна с достоинством отвечала, что не родился еще тот мужчина, который сможет переспорить трех женщин, поэтому лучшее, что он может сделать в данной ситуации, это внимательно слушать, что ему говорят и не вступать в конфликты. Наталья Ивановна, наблюдая со стороны эти сцены, тихонько посмеивалась, потому что понимала, что ни о каких конфликтах и речи быть не может. Все эти словесные дуэли лишь часть ритуала под названием «Отъезд на дачу», на самом же деле ее мама и муж искренне привязаны друг к другу. Отношения между ними сложились как-то сразу. Наверное, бывает такое, что люди, встречаясь друг с другом, сразу чувствуют симпатию друг к другу, и им не нужно ничего доказывать, ничего изображать. Закончив упаковку, Лиза вместе с мамой бабушкой важно занимали места в новеньком «Опеле» и отправлялись впереди, указывая путь грузовичку, послушно следовавшему за ними…

В последние годы здоровье Анны Петровны сильно ухудшилось, врачи поставили ей страшный диагноз – полиартрит. С каждым днем суставы ломило все сильнее, руки и ноги слушались все хуже и хуже. Даже по их маленькой трехкомнатной квартирке в старой хрущевке она могла передвигаться только с помощью палочки. От поездок на дачу пришлось отказаться…

Лиза безумно переживала за бабушку, волновалась, и самым страшным для нее было – расстроить обожаемую бабулю.

Приняв лекарство, Анна Петровна прошла в комнату и отыскала на полке томик Бунина. «Антоновские яблоки» – это то что сейчас нужно…

* * *

На улице с утра было морозно. Тонкий ноябрьский ледок вкусно похрустывал под ногами. Ужасно хочется снять шапку! Мало того, что из-за нее свалится бант, но она еще и весь лоб исколола! Но если вдруг узнает бабуля, мало не покажется. Кроме того Лиза очень не любила расстраивать Анну Петровну. Придется терпеть. Но Лиза не умела долго расстраиваться из-за чего бы то ни было, тем более, что в школе ее ждет только хорошее: домашнее задание она знает на отлично, не даром всю ночь проспала на учебнике. Она верила, что выученное стихотворение лучше всего положить на ночь под подушку, тогда точно все запомнишь. А потом еще и лучшая подружка Катька наверняка придумает что-нибудь веселое. Катька Долгова была оптимисткой по жизни. Бесшабашная и остроумная, с ней никогда не бывало скучно.

Катька, как всегда опоздала: когда Лиза позвонила в квартиру на третьем этаже, она в одном сапоге металась по комнате и искала тетрадку:

– Инна меня убьет, точно убьет! Сегодня же надо домашку сдавать, а я ее потеряла! Лизка, че делать, она меня точно прибьет! А ведь я с этим заданием вчера весь вечер ковырялась, чтобы все без помарочек, без ошибочек! Вот обида-то!

– Инна не прибьет, она добрая, – Лиза наклонилась, чтобы погладить старого толстого кота Тимофея. Тот сразу же вышел встречать гостью и разлегся на пороге, подставив Лизиной ладошке свое упитанное велюровое пузцо. Тиму было уже лет десять, и больше всего на свете он любил, когда ему оказывали должное уважение: гладили живот и чесали за ушком.

– Ага, добрая! В прошлый раз выгнала меня и пару за поведение влепила. Знаешь, как мне от мамы досталось! Зараза, ну куда же она подевалась-то? – Катька перегнулась через спинку дивана. Лиза сняла сапожки, переступила через недовольного тем, что ему уделили столь мало внимания Тимофея, и прошла в комнату.

– Пару тебе влепили потому, что мы ржали с тобой, как кони! Мне, кстати, тогда просто повезло, у меня дневника не было, а то бы и мне тоже… Кать, да вот же она лежит, на столе. Слушай, пойдем уже, опоздаем, ведь!

– Где? Клянусь, три минуты назад ее здесь не было! Лизка, признайся, это ты мне ее подбросила, да?! – Катька выхватила тетрадку и засунула ее в рюкзак, кривобоко пристроенный возле вешалки.

– Очень надо, вот делать мне больше нечего, как только твои тетрадки тырить! Одевайся быстрее, – Лиза сунула Катерине ее курточку. – Кать, ну шевелись ты уже, в самом деле!

– Башк! Мы ушли! – дверь маленькой комнаты приоткрылась, и послышался голос Людмилы Николаевны:

– Ну, что, погром окончен? Мне можно выходить? Не забудь ключи, коза-дереза, а то я в поликлинику собралась!

– Взяла, все взяла! – подхватив рюкзачки, девочки выскочили из двери и, спустившись вниз, выбежали в серое промозглое утро.

Ветер, основательно поработав ночью, все еще трепал озябшие верхушки кленов и тополей. Небо набрякло так низко, что, казалось, дотянувшись до него пальцем можно проделать в нем основательную дыру, сквозь которую непременно станет сочиться снежная морось. Осень все еще спорила с зимой, отыгрывая у нее недолгие часы солнца, но с каждым днем все больше сдавала позиции под натиском неотвратимо надвигающихся холодов. Лиза не любила зиму – нужно одеваться, утепляться. Ходишь, как капуста, а все равно руки-ноги мерзнут. А как тяжело по утрам вставать – холод, темень, а тебе нужно вылезать из-под теплого верблюжьего

одеяла, идти умываться, выходить в школу!.. Лета она начинала ждать сразу после первого сентября.

Серьезная, сердитая ворона, слетев откуда-то сверху, разогнала стайку растрепанных воробьев, клевавших размокшую хлебную корку возле подъезда. Лиза, покопавшись в кармашке куртки, выудила оттуда остатки печенья, и кинула их на озябшую землю. Серая стайка тут же приступила к пиршеству, оставив вороне отвоеванный ею хлеб.

На школьном крыльце как всегда собралась компания старшеклассников. Они смеялись, спорили, обсуждали свои «взрослые» дела. Одиннадцатиклассницы в узких мини-юбках строили глазки прыщавым юнцам, прятавшим в кулаках дешевые сигареты. От сознания своей взрослости, они надувались, словно давешние воробьи, хохотали фальцетом и смотрели на мир свысока. Девочки, не обращая на них внимания, прыгая через ступеньку, вбежали вверх и остановились отдышаться.

– Лиз, ко мне в пятницу мама приедет, а потом на выходные я к ней. Может и ты со мной, а? Кстати, ты сменку не забыла?

– Не, Катьк, ты же знаешь, меня не отпустят. Сменку не забыла, а вот голову… – Лиза впопыхах стянула с себя шапку вместе с ненавистным бантом. Маленькая невидимка, отцепившись о челки, больно царапнула лоб.

– Вот досада, все-таки он свалился, так я и знала!.. Ну, ладно, пошли, а то Инна и вправду разозлится! – и, сунув бант и заколку в карман жилетки, она открыла тяжелую дверь.

* * *

Его снова не заметили. Да и кто будет обращать внимания на обычного, немолодого человека. Да и вообще, рядом со школой утром много таких папочек – кто встречает, кто провожает… Тем более, что прогуливался он не в одиночестве, а с детской коляской, – несчастный заморенный бессонными ночами отец семейства, который вывез неугомонное дитятко на раннюю прогулку. Такого и пожалеть впору, не то, что подозревать в чем-то!

К этой школе он стал приходить уже с начала учебного года. Этих двоих он выделял, почему-то они нравились ему больше других. Было в них что-то очень чистое, незапятнанное и в то же время вызывающее гадливость и омерзение. Желание прикоснуться к ним, как снежный ком, нарастало с каждым днем. Да честно говоря, и он и не пытался с этим бороться – себя нужно любить и жалеть, иначе и жить-то незачем. К этой простой формуле он пришел уже очень давно. Если сам не позаботишься о себе, не отгрызешь у жизни свой личный кусок, то никто об этом не позаботится.

В далеком детстве маленький Витя был очень счастлив. Семья его никогда ни в чем не нуждалась. Прабабка по линии отца была дворянкой и после семнадцатого года сумела припрятать добрую часть фамильных драгоценностей. В последующие годы и она, и ее муж сумели приспособиться к установившимся в стране порядкам. Авдотья Зотовна работала на фабрике, а дед всю свою жизнь честно вкалывал на заводе, пройдя от простого токаря до начальника цеха. Богатство свое они не афишировали, но семья их никогда не бедствовала. Люди скромные, но очень неглупые, они смогли сохранить состояние и передать единственной дочери – Варваре. Она же, в свою очередь, обещала сохранить фамилию и продолжить род Филипповых. Невестку свою, Антонину, Варвара Афанасьевна приняла тепло, и уж не было конца ее радости, когда родился долгожданный внук Витенька.

Так и случилось, что семья Филипповых к рождению сына безбедно проживала в просторной трехкомнатной квартире в центре Москвы, а у маленького Вити всегда было все, что он хотел. Бабку и деда он своих не помнил, оба скончались один за другим, когда мальчику было всего два года, но ему было достаточно того, что рядом всегда и везде находились роди-

тели, которых Витя боготворил. Ему казалось, что ничто и никогда не сможет помешать его безбедной и счастливой жизни. Но он жестоко ошибался.

Ему было всего семь лет, когда в его сытую и беззаботную детскую жизнь вошло настоящее первое горе. Горе это называлось сестрой Машей, которую мать с отцом, как какой-нибудь бриллиант чистой воды дрожащими от волнения и счастья руками положили в новую красивую кроватку, над которой висел великолепный кружевной полог. Маленькому Вите очень хотелось полежать на этой кровати, посмотреть как там в этом уютном домике изнутри, но родители строго запретили даже дышать на младенца. Маша родилась с врожденным пороком сердца, она была слабенькой, плаксивой и болезненной девочкой. С этого дня Витя почувствовал, что он совершенно одинок в этом мире. Вместо привычных походов в зоопарк или в кино по выходным родители ездили на какие-то процедуры, гуляли с Машей или просто смотрели на сопящее недоразумение влюбленными глазами. Витя просто перестал для них существовать. Отныне все внимание, вся нежность, забота и ласка доставались только сестре. У родителей совершенно не было времени не только на воскресные прогулки и походы в цирк, но даже просто поговорить с ним, обнять, поцеловать его они теперь забывали. Мать, раньше такая веселая и жизнерадостная, каждый день потихоньку плакала возле кроватки с Машей, а отец все чаще хватался за валидол. Иногда Витя подходил к коляске и смотрел на малышку, которая пускала пузыри и бездумно улыбалась ему. В такие моменты слепая ненависть затапливала его с головой, не давала нормально дышать, губы начинали предательски дрожать, а кулаки сжимались сами собой. Он приходил в бешенство от того, что ему приходилось теперь делить любовь родителей с этим недоразумением. По какому праву оно так вероломно вторглась в его жизнь и отнимает у него то, что принадлежит ему и только ему?!

– Мам, а может нам ее отдать обратно? Ведь от нее только одни неприятности! – не выдержал он как-то, когда родители вернулись после очередного визита к врачу.

Мать подняла на него свои измученные, полные слез глаза и молча, не говоря ни единого слова, ударила его по лицу. И именно эта пощечина, самая первая, самая обидная, стала для маленького Вити символом его начавшейся взрослой жизни. Его предали самые близкие, самые любимые люди. А причина всего этого – больное, сопливое, недоразвитое существо, как-то нелепо ворвавшееся в их семью.

* * *

…Ему вспоминался летний погожий день, когда мать вошла к нему в комнату, где он собирал модель самолета, подаренную одноклассником на день рождения. Впереди были каникулы и много солнца, а лучший друг Костик обещал поговорить с родителями, чтобы Витя уехал вместе с ними в деревню к Костиной тетке под Тамбов. Каждую ночь он видел во сне дородную тетку с ласковой улыбкой, достающую из русской печи колоба и блины. Он как наяву представлял себе запотевшую крынку с молоком, которое так вкусно пить в знойный июльский день. Под яром неторопливо течет речка, а на другом берегу шумит березовая роща, где в изумрудной траве притаилась спелая алая земляника…

В том, что его отпустят из дома, Витя даже не сомневался – в последнее время он постоянно ощущал себя лишним и никому ненужным.

Мать подошла к нему сзади и поцеловав в голову. От неожиданности Витя выронил тюбик с клеем, он уже совсем отвык от внимания такого рода. С улыбкой она сообщила, что наконец-то они получили долгожданный ответ из Мюнхенской клиники. И теперь они с Машей и отцом уедут в Германию, где Маше будут делать какую-то сложную операцию на сердце. Дело это очень дорогостоящее, поэтому они вынуждены продать их трехкомнатную квартиру в Москве, а Витя отправится жить к двоюродной бабушке в Рязань. Сначала Вите показалось, что он оглох… А может быть, мать обращается не к нему? Он чувствовал, что руки и ноги как-

то странно закололи тысячи острых иголок, в ушах стоял непрерывный гул. Разум отказывался верить в то, что происходило. А как же Тамбов?! А как же колоба и блины из печи, рыбалка и долгие спокойные вечера на берегу речки?!.. Некоторое время он неотрывно смотрел, как тоненькая прозрачная струйка клея медленно выливается на стол. Затем молча встал и вышел из комнаты. Мать, напевая какой-то незамысловатый мотивчик, возилась на кухне – наверное, готовила очередную порцию каши для этого сгустка зла, которое мирно спало под кружевным пологом. Витя осторожно приподнял его и не давая себе возможности задуматься, просто положил свою горячую сухую ладонь на лицо семимесячной крохи. Девочка умерла очень тихо. Она просто перестала дышать, но Витя каким-то звериным чутьем почувствовал, что это конец. В ту секунду он почувствовал неописуемое чувство облегчения и счастья. Его кошмар закончился. Решение оказалось простым, и почему оно раньше не пришло ему в голову?! Теперь снова все в его жизни будет спокойно и привычно. Он улыбнулся, аккуратно поправил полог и ушел к себе доделывать самолет.

Смерть тяжелобольного ребенка ни у кого никаких подозрений не вызвала. Машу похоронили на третий день… Семья Филипповых осталась в Москве, в Рязань Вите переезжать не пришлось, но внимание родителей не вернулось.

После похорон отец протянул совсем недолго, – уже следующим летом пришлось покупать цветы на две могилки, расположенные за одной зеленой оградой. Мать же нырнула в горе, как в море, оставив сына за бортом. Дни напролет она проводила в молчании, а глаза ее, раньше полные жизнерадостного тепла, превратились в равнодушные осколки стекла, в которых застыло отчаяние и безысходность. Утром она уезжала на кладбище, где до самого вечера разговаривала с ушедшими мужем и дочерью. Маленький Витя был теперь совсем один – маленькое зло под именем Маша оказалось вселенским и не ушло даже после того, как он его убил.

* * *

Мать свою Виктор так и не простил… Он просто вычеркнул ее из своей взрослой жизни, так же, как они с отцом когда-то вычеркнули его, семилетнего, из своей. Иногда он навещал ее в подмосковном Новогорске, где купил ей маленькую однокомнатную квартирку, когда женился. Он молча приносил продукты, расставлял их в старом текущем холодильнике на трехметровой кухоньке, холодно интересовался как дела, и иногда даже не дождавшись ответа, уходил в свою сытую жизнь…

Однако в семь лет судьба преподнесла ему хороший урок: если сам ничего не сделаешь, никто, даже самые близкие люди не позаботятся о тебе. Никому нельзя доверять, никого в этой поганой жизни нельзя любить. Все равно, рано или поздно, тебя предадут, растопчут, вычеркнут и забудут.

Все люди, существующие в этом мире, просто средства для удовлетворения его потребностей. Нужно только правильно воспользоваться ими в нужный момент. Это же так просто и нужно быть совершеннейшим идиотом, чтобы этого не понимать. А то, что большинство людей и есть те самые идиоты, он не сомневался. В обществе существуют правила, это факт. Переделать этот несовершенный мир невозможно, значит нужно сделать так, чтобы он стал максимально комфортным для пребывания в нем. Нужно учиться – будем учиться. За плечами школа с золотой медалью, институт по престижной специальности. На работе его ценят, репутация у него безупречная. Шеф регулярно повышает зарплату, и продвижение по служебной лестнице в ближайшие годы ему гарантировано. Чтобы считаться «правильным», нужно жениться? Женимся, не вопрос! Да и еще ребеночка забацаем! Все, как у людей! Родители жены, навещавшие молодую семью на прошлых праздниках, ставили его в пример своему младшему сыночку: «Вот, гляди-ка, Генка, как жить-то нужно! Шоб все, как на картинке – и жена, и дите, и мебеля

кожаные», – тесть заливался довольным пьяным смехом и трепал зятя по щеке. Единственным желанием в тот момент было плюнуть ему в остекленевшие от выпитой водки счастливые глаза, выматерить надоевшую супругу и ее матушку, забыть нелюбимого отпрыска и убежать вон. Но правила есть правила: терпи, и тебе воздастся. Тем более, он тогда уже твердо знал, ради чего все это нужно. Цель обозначена, нужно только неотвратимо идти к ней, осторожно, не торопясь, заранее подстелив соломки и подготовив позиции для отступления. Тылом должна стать именно семья – ха-ха, какая насмешка! Именно на нее вся надежда, поэтому терпение и еще раз терпение. Он шел к этому всю свою жизнь, начиная с семи лет. С появлением его собственного ребенка планы не изменились, напротив, теперь в его руках было все, что нужно.

И с недавних пор жизнь изменилась, приобрела смысл, заиграла красками. Разве что-нибудь может сравниться с наслаждением, которое он испытывал, глядя в полные страха детские глаза? Что может быть прекраснее мгновений, когда чувствуешь себя повелителем этого ужаса? От воспоминаний по телу прошла приятная волна… Его никогда не поймают, ведь он умен, он все предусмотрел. По крайней мере до этого дня ему все сходило с рук… Это был гениальный план!

А эти две девочки случайно попались ему на глаза еще в начале осени: они радостно шагали из школы домой, звонко хохоча и обсуждая свои детские глупые новости. Ему почему-то думалось, что если бы Маша выжила, то она непременно была бы похожа на одну из них, – такую же наивную, добрую и… мерзкую. На какую именно, он не знал. За обеими на протяжении почти двух месяцев он вел слежку и знал почти все об их жизни: когда выходят из дома в школу, когда возвращаются, где по дороге домой останавливаются поболтать. Ангелы светлые с душами дьявола… Теперь предстояло решить, которой же отдать свое предпочтение. Двое сразу – это слишком, шуму будет много, ни к чему ему это. Пожалуй, еще с недельку понаблюдать, и к делу. Уже почти все готово, теперь только ждать. Но ждать не хотелось.

* * *

Утро не задалось – кофе залил всю плиту, под глазом растеклась тушь – Инна как обычно заехала себе кисточкой в глаз в самый последний момент, да еще и колготки дали стрелку. Наверное, вчера на них «удачно» отдохнула Дашка. Теперь же это пузатое недоразумение сидело рядом на кухне и таращило невинные глазищи на свою новоприобретенную хозяйку.

В прошлую субботу Инна возвращалась от родителей и случайно возле подъезда наткнулась на непонятного вида ком темного пуха, который при ближайшем рассмотрении оказался кошачьим детенышем, максимум полутора-двухмесячного возраста. Котенок даже не пищал, просто смирившись с неизбежным, сидел, уткнув мордочку под хвост. Не задумываясь, Инна схватила его и притащила домой. Уже потом, при свете ей удалось рассмотреть это чудище: оно обладало невероятно огромными желтыми глазами-плошками, глядящими на мир с немым укором, коротким треугольным хвостиком и косматой шубкой шоколадного окраса.

– Ну, и что мне теперь с тобой делать-то?! У меня в моей жизни даже попугая-то никогда не было, а тут здрасте! – котенок дрожал всем телом и неподвижно сидел на коврике возле входной двери.

– Что трясешься-то, ребенок? Злые люди тебя обидели? Ничего, сейчас мы позвоним нашей бабушке, то есть моей маме, и она-то нам обязательно даст ЦУ по твоей эксплуатации! – Инна наклонилась и взяла малыша на руки. Придерживая его одной рукой, она сняла наконец сапоги и прошла на кухню.

– Сначала чай, потом звонок, только так, иначе твоя хозяйка околеет раньше тебя! Ну, ты подумай, только начало ноября, а холод, как зимой! – Инна включила газ, грохнула на плиту чайник, схватила телефон и набрала знакомый номер.

– Привет, ма! Я уже дома!

– Как ты доехала, дочь? На улице просто северный полюс! Папа только что прослушал прогноз, говорят, завтра еще больше похолодает. Не забудь надеть зимние сапоги, которые в прошлом году тетя Мила из Германии тебе прислала, а то снова заболеешь. Нечего их беречь, лучше здоровье побереги, слышишь? Помнишь, как ты дохала в прошлом году?

– Мам, не тарахти, пожалуйста. Лучше скажи, у тебя когда-нибудь были кошки? Что ты о них знаешь?

– Инна, не дури, какие еще кошки?! Я тебе про сапоги, а ты какую-то чушь спрашиваешь!

– Это не чушь, у меня теперь есть Дашка, и мне нужно знать, что мне с ней делать! – Инна подхватила детеныша и вытянув его на руке стала рассматривать. – Да, тощая, как килька!

– Что ты там бормочешь? Какая еще Дашка? Инна, перестань меня путать, объясни, наконец, что происходит? – возмутилась Нина Николаевна.

– Я и говорю. Я нашла Дашку, она котенок. Мам, она такая бедная сидела около подъезда, вот я и подумала…

– Ты что, подобрала кошку?! – Нина Николаевна немного оторопела от такой новости. Пару секунд в трубке было тихо.

– А с чего ты взяла, что это она, а не он? – спросила она удивленно, когда к ней вернулась способность формулировать свои мысли. – Ты же в этом ни бум-бум? И что она у тебя теперь будет жить? С тобой, в квартире?!

– Нет, мам, завтра же определю ее на постоянное место жительства на помойку. Кстати, какую из них ты мне посоветуешь? По-моему, та, что ближе к моему дому, самый оптимальный вариант. Там всегда есть живые крысы и мыши. Я надысь видала парочку: жирненькие такие, лощеные, вкусные наверно. Да и навещать я ее смогу часто!

– Дочь, хватит идиотничать! Ты и вправду поселила у себя бездомную кошку?

– Ну да, пришлось. И теперь она будет жить со мной. А то, что это Дашка, я почему-то даже не сомневаюсь. Это девочка, потому что только девчонки могут быть настолько несчастными и жалкими. Ты бы ее видела!..

– Инна, я сейчас приеду к тебе, только возьму хозяйственного мыла, нужно же отмыть это безобразие, не хватало еще блох расплодить! – засуетилась Нина Николаевна.

– Ну, мам, может завтра, а? – Инна перехватила осмелевшую Дашку другой рукой – пух на ножках отогрелся и решил немного освоиться в квартире. – Я сегодня так устала, просто жуть!

– Никаких завтра! Зная тебя, я уверена. что ты ее еще с собой в постель положишь! – отрезала Нина Николаевна, – Я уже собралась. Витя, – крикнула она мимо трубки, – Ты слышишь, мы срочно едем в Кузьминки к Инне. Она приволокла домой бездомного кота и собирается сегодня с ним спать!

– Мам, не кота, а кошку Дашку, – вяло сопротивлялась Инна, понимая, что спорить бесполезно, – если Нине Николаевне взбрело что-либо в голову, то сдвинуть ее с этого не сможет никакая сила, даже папа предпочитает вовремя сдаться, чтобы не попасть под артобстрел.

Нина Николаевна Королева всю свою жизнь проработала гидом-переводчиком. Имея в арсенале немецкий и венгерский языки, она и сейчас была нарасхват и с работы уходить не собиралась, хотя и намекала неоднократно, что с удовольствием сидела бы остаток жизни с внуками. Инна никогда не жаловалась на отсутствие воображения, но никак не могла представить свою маму в качестве бабушки. Нина Николаевна была полна энергии и сил. Всегда, даже дома, – аккуратная прическа, модно подобранная одежда и неизменные каблуки. Расслабиться себе она позволяла разве что в деревне, где вместо узких туфель, она надевала удобные разношенные «дизайнерские» калоши. Но в городе никогда. Так разве эта молодая красивая женщина может быть бабушкой? Коллеги ее ценили, начальство всячески продвигало, а туристы просто души в ней не чаяли. Виктор Петрович же был врачом от Бога и уже много лет подряд работал заведующим отделением в одном из московских роддомов. Инна родителей

своих обожала. В последнее время они виделись не очень часто, но созванивались регулярно – в основном, по вечерам.

До приезда родителей Инна успела выпить чаю, съесть пару наспех приготовленных бутерброда с колбасой и подсохшим сыром, и убрать за Дашкой две лужицы понятного происхождения. Часа два подряд они занимались приведением «селедки под шубой» – как назвала Дашку мама, в божеский вид: мыли в ванной, сушили феном, пытались расчесать свалявшуюся «шубу». Дашка пыталась сопротивляться, но довольно вяло. Папа подремывал на диване в гостиной, когда обессилившую от переживаний и эмоций Дашку внесли ему на осмотр.

– Ну, гинеколог! Теперь твоя очередь. Давай, поведай нам страшную тайну, кого же притащила нам наша дочь – Дашу или Даню? Ты же специалист, должен отличить янь от иня.

– Вообще-то я на людях тренировался, а не на кошках, – Королев-старший протянул руку, куда Инна вложила ему свою бедную измученную находку.

– Худая-то какая! – проворчал отец, надевая на нос очки.

Виктор Петрович не без труда вынес свой вердикт – котенок был очень меховой, к тому же совсем мелкий.

– Дашка это, не Данька. Ну, мать, скоро будем роды принимать! – хохотнул он довольно.

– Еще не хватало! Ну да ладно, поздно уже, пора домой собираться.

– Ма, а может, у меня останетесь, уже ночь на улице!

– Нет уж, завтра на работу, а я высыпаюсь только дома, ты же знаешь. К тому же утром прибывает очередная группа австрийцев, поэтому мне уже в девять часов надо быть в Шереметьево. А я тут с твоей Дашкой весь вечер валандаюсь! – жаловалась Нина Николаевна, обертывая вокруг шеи элегантный кашемировый шарфик.

– Ты покорми ее, только не давай сразу много, а то с непривычки у нее заворот кишок образуется. Все, Витя, поехали!

И вот уже неделю Инна с Дашкой привыкали друг к другу. Теперь хоть не так тоскливо стало возвращаться домой. Котенок каждый раз встречал хозяйку возле двери, спал на ее, Инниной, подушке, успокаивающе бурча в ухо и щекоча кисточкой маленького хвостика. По вечерам они обсуждали разные наболевшие и не очень наболевшие вопросы, – Инна вела свой монолог, обращаясь к ушастому созданию, а та в меру своих способностей подмяукивала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.